

Духовное отцовство

Введение

Духовное отцовство в восточной и западной Церкви в наше время – вопрос непростой, но очень актуальный, как мы увидим – существенный для христианства сегодняшнего (и завтрашнего). Культура мира сего, то есть мира, в котором мы живем, и движемся, и существуем, глубоко воздействует на сознание христиан. Название настоящей работы отражает положение Церкви (особенно в России) и ожидания верных по отношению не только к пастырям, но и к отцам семейства, христианским супругам (будущим родителям) и ко всей общине верующих.

Поэтому основная тема – вопрос отцовства, понимаемого не максимально широко (это выходило бы за рамки бакалаврской работы), но в узком богословском значении – то есть, происходящего от Бога Отцовства, о котором мы говорим, черпая данные из Божественного Откровения, как и из опыта общины. Разумеется, настоящая работа не может исчерпать столь огромной и возвышенной темы. Намерение автора – указать определенную перспективу и представить скромный набросок на эту тему. Тематике работы отвечает и определенная проблематика: сегодня мы становимся свидетелями того, что отцовство угасает, а в ситуации Церкви в России иногда и вовсе исчезает с горизонта жизни общества. Создается новая модель семьи, новая реальность, которой христиане должны противостоять отважно, но и разумно. Кто же этот великий неизвестный, тот, кто дает ребенку ощущение безопасности, идентичности, справедливости, кто социализирует ребенка, вводит его в общество? Во втором разделе мы обратимся к теме современного кризиса отцовства на Западе и на Востоке, сравнивая и противопоставляя обнаруженные явления. Метод этого раздела можно определить как исторически-богословский. Мы рассудительно предварим его попыткой синтеза понятия отцовства в Божественном Откровении в первом разделе. В первых параграфах попробуем провести анализ библейского Откровения, как ветхозаветного, так и новозаветного, далее рассмотрим человеческий опыт сыновства Иисуса Христа – того, что открывает нам отцовство Бога. В этом параграфе мы будем опираться, прежде всего, на богословскую мысль Ганса Урса фон Бальтазара. Так через христологию мы обратимся к антропологическому описанию основных для нас и неразрывных понятий: отцовство и сыновства, исходя из того, что лишь Христос открывает человека ему самому, как об этом учил папа Иоанн Павел II (ср. энциклику *Redemptor hominis*). В третьем разделе мы вернемся к методу первого раздела, описывая опыт Церкви (прежде всего, но не исключительно) Восточной, чтобы набросать определенную перспективу того, что мы можем и должны сделать перед лицом нужд нашей эпохи, какое развитие ортопраксии предстает перед нашими очами.

Источники работы указаны в библиографии, кроме Откровения и документов Магистериума Церкви мы опираемся прежде всего на работы тех богословов, которых можно назвать подлинными христианскими гуманистами, - таких, как уже упомянутый Г.У. фон Бальтазар, Дж. Г. Ньюман. Богословскую мысль Восточной Церкви представляет в первую очередь Павел Евдокимов.

Раздел I: Дар Божественного отцовства в Библии

Катехизис Католической Церкви напоминает, что, определяя Бога как «Отца», язык веры указывает прежде всего два аспекта: Бог – начало всего и трансцендентный авторитет и одновременно Он – Доброта и любящая Забота, охватывающая всех Его детей. Эта Его отцовская нежность может выражаться в образе материнства, который еще более подчеркивает имманентность Бога – близость между Богом и творением.

Язык веры черпает из человеческого образа родителей, которые определенным образом являются для человека первыми представителями Бога. Однако этот опыт также говорит, что земные родители ошибаются и могут деформировать облик отцовства и материнства. Поэтому следует напомнить, что Бог выше человеческого разделения на два пола. Он – не мужчина и не женщина, Он – Бог. Он также выше человеческого отцовства и материнства, хотя и является их истоком и мерой: никто не является Отцом в такой степени, как Бог.

Открытие людям Бога как Отца было одной из главных задач миссии Христа в мире. Св. Иларий даже говорит: «Дать нам познать Отца – величайшее дело Сына». «Сия же есть жизнь вечная, - говорит Сам Христос, - да знают Тебя, единого истинного Бога».

Иисус учит, что Бог – это Отец. Во время проповеди доказывает, что Он Сам – Сын Божий, а мы – дети Божьи. Эту истину Он подтверждает своими необычайными чудесами и делами. Все время своего служения Он говорит ученикам о своем отношении к Богу как Отцу, о взаимном познании и любви, о единстве жизни и действия. Иисус говорит об Отце явно и в притчах.

Тот факт, что мир не знает Бога как Отца, - основной мотив проповеди, молитвы и страданий Христа. «Отче праведный! – взывает Он в своей Первосвященнической молитве, - мир Тебя не познал». Вся Его жизнь – это одна великая лекция об Отце, сущем на небесах, одно великое откровение Отца. Ибо только Христос полностью знает Отца. «Отца не знает никто, - говорит Он, - кроме Сына, и кому Сын хочет открыть».

Открыть Бога Отца, открыть имя Отца – вот Его великое апостольское стремление. В конце жизни, взирая на совершенный труд, Он сможет сказать: «Я совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить, открыл имя Твое человекам».

Само определение Бога как Отца мы находим в Ветхом Завете немногим более десяти раз, а в Новом Завете – более ста раз. Кроме того, в Библии содержится много определений, которые являются синонимами слова «Отец».

Можно сказать, что истина о Боге Отце, Его образе появляется почти на каждой странице Священного Писания. Божественное Откровение для нас – основной и очень богатый источник нашего знания о Боге Отце (Божественном отцовстве).

У всякой библейской истины, а значит, и у Божественного отцовства, есть, по крайней мере, два аспекта. С одной стороны, она – констатация существующего факта. А с другой же стороны – определенного рода норма действия.

Принимая во внимание это двойное измерение, мы разделим наш взгляд на две части: первая будет посвящена истине о Божественном отцовстве в книгах Ветхого и Нового Завета, а другая будет заниматься вытекающими из нее практическими следствиями в духовной жизни человека.

1. Образ Божественного отцовства в Ветхом Завете

В послании к Евреям его автор стремится пояснить всю истину о Божественном отцовстве, явленном в Иисусе Христе. Поэтому он обращается к Ветхому Завету, к словам псалма: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя», а далее к словам Книги Царств («Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном»).

Эти слова имеют пророческое значение: Бог говорит Давиду о его потомке. Но если в контексте Ветхого Завета слова эти, казалось бы, свидетельствуют лишь об усыновлении – по аналогии с человеческим отцовством и сыновством – то в Новом Завете открывается их подлинное и окончательное значение.

Они говорят о Сыне, Единосущном Отцу, о Сыне, воистину рожденном Отцом. Поэтому также говорят о подлинном отцовстве в Боге. Об отцовстве, которое идентифицируется с рождением Сына, единосущного Отцу. Говорят о Боге, который является Отцом в трансцендентном, а вместе с тем в наиболее подходящем значении этого слова. О Боге, Который прежде веков рождает предвечное Слово. Оно – Сын, Единосущный Отцу. В Нем Бог является Отцом в невыразимой тайне своего Божества.

«Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя». Слово «ныне» говорит о вечности. Это «ныне» внутренней жизни Бога: «ныне» вечности, «ныне» Пресвятой Троицы – Отца и Сына и Святого Духа, предвечной Любви, предвечно единосущной Отцу и Сыну.

В Ветхом Завете тайна Божественного отцовства в Троице не была еще открыта до конца. Но вместе с тем весь Ветхий Завет полон истины о Божественном отцовстве.

Бог открывает Себя как Отца Израиля, Своего народа, когда приказывает Моисею требовать его освобождения из Египта: «так говорит Господь: Израиль [есть] сын Мой, первенец Мой; Я говорю тебе: отпусти сына Моего». Это отцовство, основанное на Завете, - отцовство через избрание, - проистекает из тайны творения. Пророк Исайя говорит: «ныне,

Господи, Ты – Отец наш; мы – глина, а Ты – образователь наш, и все мы – дело руки Твоей».

Это не только отцовство по отношению к избранному народу, но и по отношению к каждому человеку – отцовство, превышающее земное родительство. Вот некоторые высказывания: «отец мой и мать моя оставили меня, но Господь примет меня»; «как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его»; «кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему».

Это Божественное отцовство, как в отношении Израиля, так и в отношении отдельных людей, открывается в милосердной любви: «Они пошли со слезами, а Я поведу их с утешением (...). Ибо Я – отец Израилю, и Ефрем – первенец Мой». «Ты всех милуешь, потому что все можешь, и покрываешь грехи людей ради покаяния (...). Но Ты все щадишь, потому что все Твое, душелюбивый Господи».

Когда пришла мессианская полнота времен, Иисус многократно проповедует отцовство Бога по отношению к людям, ссылаясь на слова Ветхого Завета. Так, например, уча о тайне Божественного Провидения по отношению ко всему творению, а особенно по отношению к человеку, Он говорит: «Отец ваш Небесный питает их», «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом».

Иисус старается пояснить Божественное милосердие, показав как свойственное Богу поведение отца блудного сына и призывает Своих слушателей: «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд».

Для Иисуса Бог – не только «Отец Израиля», «Отец людей», но и – по Его словам – «Отец Мой».

2. Бог Отец и Иисус Христос

Христос многократно говорит о Своем Отце, по-разному показывая Его Провидение и милосердную любовь. Но Его учение ведет еще дальше и глубже в тайну Божественного отцовства. В этом контексте прислушаемся к словно особенно торжественным словам, которые записал евангелист Матфей (а также и Лука): «В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам»; и далее: «Все предано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть».

Итак, для Иисуса Бог – не только Отец Израиля, Отец людей, но и «Отец Мой». Именно по этой причине иудеи хотели убить Иисуса: потому, что Он Бога называл Своим Отцом. «Мой» в самом дословном значении: Тот, Кого только Сын знает как Отца, и только

Он точно так же знает Сына. Мы уже стоим на той самой почве, из которой позднее вырастет *Пролог* Евангелия от Иоанна.

«Отец Мой» – Отец Иисуса Христа, начало Его жизни, Его мессианской миссии, Его учения.

Евангелист Иоанн дает много примеров мессианской проповеди, которые позволяют там углубиться в тайну Бога Отца и Его Единородного Сына Иисуса Христа.

Иисус говорит: «верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня». «Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить». «Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также». «Как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе». И наконец: Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом».

Сын живет Отцом прежде всего потому, что Им был рожден. Существует теснейшая связь между отцовством и сыновством – связь, вытекающая из рождения: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя».

Когда Симон Петр в околицах Кесарии Филипповой исповедует: «Ты - Христос, Сын Бога Живаго», Иисус отвечает ему: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой». Только Отец знает Сына, так, как Сын знает Отца. И также только Сын дает познать Отца: видимый Сын – невидимого Отца. «Видевший Меня видел Отца», - отвечает Иисус апостолу Филиппу.

Внимательно читая Евангелие, мы должны заметить, что Иисус живет и действует, соотнося себя с Отцом, в отношении с Отцом. К Отцу Он часто обращается со словом, исполненным сыновней любви: «Авва!». Он произносит его и во время гефсиманской молитвы. Когда ученики просят, чтобы Иисус научил их молиться, Он учит их молитве «Отче наш». После воскресения, уходя с земли, Иисус еще раз отсылает к этой молитве, говоря: «восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему».

Итак, Бог, который окончательно открыл Себя в Сыне Своем, открылся в полноте тайны Своего отцовства. И только Сын мог открыть эту полноту тайны, ведь «Отца не знает никто, кроме Сына».

Бога не видел никто никогда, Единородный Бог, сущий в недрах Отца, (о Нем) учил.

Итак, кто такой Отец?

В свете того окончательного свидетельства, которое нам было дано через Иисуса Христа, мы полностью сознаем в вере, что отцовство Бога прежде всего относится к глубочайшей тайне внутренней жизни Бога. Относится к тайне Троицы.

Отец – Тот, кто прежде веков рождает Слово, Единосущного Себе Сына – а вместе с тем и Тот, кто в единстве с Сыном прежде веков «выдыхает», испускает Святого Духа..

Сам Отец в тайне Св. Троицы – «Безначальное Начало». Он один – Начало той Жизни, которой Бог в Себе Самом является. Эта Жизнь – то есть Божество – принадлежит Отцу в безусловной общине и общении с Сыном и Духом Святым единосущными Ему.

Павел, апостол тайны Христа, в прославлении и молитве преклоняет колени перед Отцом, от Которого берет начало и прообраз и имя «всякое отечество на небе и на земле».

«Один Бог и Отец всех, который над всеми, и через всех, и во всех нас».

Посмотрим, каковы последствия истины о Божественном отцовстве, которую мы рассмотрели на основании Божественного Откровения.

3. Истина о Божественном отцовстве и ее содержание

Рассмотрим этот вопрос в тройном отношении: к Богу, к тайне собственного сердца и в отношении к другому человеку.

3.1. Почитание Бога как Отца

Если Бог – Отец, то наш религиозный культ не будет истинным богопочитанием до тех пор, пока он не является почитанием Бога как Отца. Признание Бога Первопричиной всего – еще не культ Бога, пока Первопричину не признают Отцом. Цель этого культа – восхваление Бога как Отца. Иисус – лучший пример. Вся Его жизнь была направлена к Отцу. Иисус все делает ради Отца. «Я всегда делаю то, что Ему угодно».

Иисус желает, чтобы и Его ученики все исполняли ради Отца. «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного». Иисус живет ради Отца и желает, чтобы и Его ученики в полноте жили ради Отца. «Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем». Призывая Своих учеников творить добрые дела, Иисус дает им следующий мотив: «чтобы видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Беседуя с самаритянкой, Христос говорит: «Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе». Так Иисус открывает перед нами тайну молитвы и духовной жизни в каждом, кто уверует в Него.

Апостолы возвещают феномен христианства, которое восхваляет и прославляет Отца, давая участвовать в Его жизни.

Восхваление Отца – главная цель существования и деятельности Церкви. Отец – главная цель религиозного культа. Цель человеческой жизни – любить Отца и заботиться о том, чтобы все люди полюбили Отца.

Каждая истинно христианская молитва возносится к Отцу, Отец – ее адресат. Будет ли это просительная молитва, когда Иисус просит Отца даровать апостолам единство и сохранить их, просит простить палачей, а для себя – чтобы Ему было дано прославить Отца: «Отче! прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя» - или же это будет молитва прославления. Человек за все должен благодарить Отца, по примеру Иисуса, когда Он благодарит Отца за то, что Он услышал Его молитву.

Отец – также и Тот, кто видит нашу молитву и оценит ее. «А Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе». Особым образом это относится к литургической молитве. Синоды в Гиппоне (393 г.) и в Карфагене постановляют, что молитвы, совершаемые у алтаря, возносятся к Богу Отцу.

Основной элемент каждой литургической молитвы – обращение к Отцу через Сына в Святом Духе (*ad Patrem per Filium in Spiritu Sancto*). Это касается также всех прочих актов религиозной жизни.

Большая любовь и большая слава Отца – цель всех человеческих усилий и жертв. Она также и цель предпринимаемого человеком покаяния.

Человек происходит от Отца и к Нему должен вернуться. Возвращение к Отцу и соединение с Ним – цель земного странствия человека.

Участие в жизни Отца – окончательная цель человека. Однако прежде чем человек достигнет цели своего странствия, он должен все сделать для того, чтобы уже тут, на земле, трудиться ради Царства, которое в последние времена Христос передаст Отцу.

Уже тут, на земле, человек должен воплощать планы этого Царства уже тут, на земле, он должен бороться за воцарение истины, справедливости, любви и мира. Ради этой цели он не должен проповедовать ничего иного, кроме учения Отца, следуя примеру Христа. Сам Христос, Истина, не говорил только от себя. «Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня». «Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец». «Слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца».

Ученик Христа также не должен исполнять иной воли, чем воля Отца. «Отче, - говорит Христос, - не Моя воля, но Твоя да будет». «Вот, иду, исполнить волю Твою, Боже». «Чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю».

Когда Его призывают дела Отца, ничто не удерживает Его, даже риск огорчить Марию и Иосифа.

«Зачем было вам искать Меня? – говорит Иисус. – Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?». исполнение воли Отца – содержание христианской жизни и апостольства. Кто не исполняет воли Отца, тот не только не

исполняет апостольства, но также недостоин войти в Царство Отца. «Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного». Отец – это Тот, Кто посылает и Кто в конечном счете дает человеку дело его жизни. От исполнения этого задания зависит качество христианской жизни и апостольства.

Куль-прославление Бога Отца – лучшее введение в культ Пресвятой Троицы, в культ Сына и в культ Духа Святого. Ибо условие почитания Отца – познание Сына, а условие познания Сына и понимания Его учения – обладание Духом Святым.

Куль Отца таким образом выражает доверие Сыну Божьему, а вера в Божьего Сына – дело Святого Духа. Так понятый куль Отца не имеет ничего общего с чисто деистическим отношением к Богу. Не является он и опорой для тритеизма, в котором разделены не только Лица Божества, но и Их природа. Куль Отца показывает Бога в Его тесном субстанциональном единстве, а вместе с тем в разнообразии Его Лиц – Бога как сообщество – общину любящих друг друга Лиц.

3.2. Универсальность сыновства по отношению к Богу как Отцу

Если Бог – Отец людей, то нет человека, который настолько был бы сиротой, что не мог бы сказать: «Отче». Ибо Бог – Отец всех людей и все люди – дети Божии; все имеют в себе Духа, взывающего к Богу «Отче».

Каждый человек может вместе с Иисусом сказать о себе: «Я не один, но Я и Отец, пославший Меня». В этом нас заверяет св. Павел: «Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче!" (...) Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями».

Еще больше факт нашего сыновства по отношению к Богу подчеркивает св. Иоанн. Он взывает: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему».

Наше сыновство по отношению к Богу – это факт, но также и призвание. Все усилия человека должны быть направлены на то, чтобы ответить этому призыванию. Человек не должен делать ничего, что противоречит достоинству детей Божьих. С другой стороны, он должен стараться приобрести те черты, которые связаны с этим сыновством.

Сыновство по отношению к Богу – это прежде всего признание своей малости, отказ от присвоения себе благ, которыми мы располагаем, и от использования их для прославления себя самих. Сыновство по отношению к Богу – это огромная благодарность для полученных даров, как и ожидание всего от Бога, беспредельное доверие и совершенное предание себя Ему. Сыновство по отношению к Богу – это любовь к Отцу и к тем, кого

любит Отец, в том числе и к врагам. Доверие Отцу и любовь к Нему делают нас подлинными детьми Божьими. «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса». Христос призывает нас любить врагов, чтобы мы могли быть сынами небесного Отца. Сыновство по отношению к Богу – это искренность, простота, чистота, невинность.

Дитя Божье считается только с Богом и опирается только на Него. Поэтому живет сегодняшним днем, не погружается в прошлое и не тревожится о будущем. Оно отважно.

Характерная черта Божьего сыновства – постоянный рост и духовный прогресс. Обязанность духовного роста от младенчества до полной зрелости говорит св. Павел. По его мнению, мы в своей жизни должны восполнять то, чего еще не совершил Христос. Св. Фома утверждает, что этот прогресс по мере приближения к цели должен все более нарастать.

Поддержание сыновнего отношения к Богу Отцу необходимо. Без этого нет подражания Христу, нет познания Бога Отца, нет пути к Нему, нет входа в Царство Небесное, нет участия в тайнах Божьих, нет возвещения славы Божьей, нет апостольства. «Кто неразумен, обратись сюда!».

Возвещать Бога как Отца может только Сын. Бог не посылает чужих. Он возлюбил только Сына и только людям с сыновним отношением к Нему Он дает апостольский авторитет. «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте».

Сыновнее отношение к Богу Отцу – лекарство от различных недугов и застоя в жизни человека. Будучи противоположностью духовного склероза, оно является эффективным средством развития духовной (внутренней) жизни. Будучи противоположностью абстрактного знания и эрудиции, оно является практическим путем к совершенству. Сыновство исцеляет человека от страха, который он чувствует по отношению к другому человеку, а особенно по отношению к внешнему насилию и перед лицом неуверенности в завтрашнем дне. Сыновство делает человека свободным и радостным. Оно дает человеку подлинный мир.

Бог – Отец всей человеческой семьи, поэтому мы все без исключений – братья. Мы настолько братья, насколько являемся детьми Отца Небесного. «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать». «Вот мать Моя и братья Мои», - говорит Иисус о Своих учениках. «Иди к братьям Моим», - говорит Иисус Марии Магдалине.

Сделать все выводы из «Отче наш» - это значит вместить весь мир в свое сердце, молиться за всех Божьих детей, увидеть всеобщее братство и любовь между людьми.

Кульминация религиозного культа – это подражание отцовству Бога в мире.

4. Сыновство Иисуса как откровение Отцовства

Чтобы пережить дар отцовства, нужно стать ребенком. И так ребенок сам становится отцом – он отдает то, что получил. Но детство – не просто этап, который проходит, оставляя свободное место для дара отцовства, но остается в его зрелой структуре как постоянное пребывание у отцовского источника.

Отец, который в глубине своей отвергающий сыновство из-за своего слишком сурового или инфантильного воспитания, задерживает развитие своего ребенка на собственном инфантильном уровне (когда у сорокалетнего мужчины личность тринадцатилетнего мальчика).

Сыновство и отцовство возрастают, поддерживают друг друга и иссякают вместе. Эту связь указал Иисус Христос, Он, будучи Сыном (Сыном Отца), является и Словом Отца, Словом об отцовстве. Этой истине в своем философско-богословском творчестве уделил большое внимание Ганс Урс фон Бальтазар. То, о чем он писал на страницах своих книгах, он переживал и в своей жизни. На стене его комнаты висел портрет ребенка (его собственный портрет, написанный родственницей), напоминая о даре сыновства, право на которое он не утратил никогда. В качестве эпитафии к своей книге «Если не уподобитесь этому дитяти» (его духовному завещанию) он выбрал слова Новалиса, написанные тем незадолго до смерти: «Быть чисто детским – это лучше всего. Нет ничего труднее ношения своей собственной слабости. Бог поможет во всем».

Верный этому до смерти, Бальтазар вошел в истории христианства как один из самых плодотворных деятелей. Кроме впечатляющего наследия он оставил много учеников (о чем свидетельствует римский центр формации Casa Balthasar), был одним из основателей и опекуном светского института Johannesgemeinschaft. Он создал издательство Johannesverlag и был его директором, а с 1972 года стал одним из редакторов богословского журнала *Communio*. Он проводил многочисленные духовные упражнения, сопровождая их участников как опытный духовный руководитель.

Итак, обратимся к размышлениям фон Бальтазара об отношениях сыновства и отцовства.

4.1. Дитя и Отец (*procreation*) – рождение и бытие

Тут мы соприкасаемся с невероятно интересным направлением мысли Ганса Урса фон Бальтазара, которое можно было бы определить как «философская антропология сыновства». По мысли этой антропологии, фаза детства не заканчивается вместе с окончанием детского периода в жизни человека, но пребывает в нем (вместе с другими

этапами развития), как источник силы, которому он должен хранить верность. К сущности человека относится «не зависящий от возраста дух ребенка». Эта мысль не была чуждой Отцам Церкви, пример чего дает нам св. Августин: «Ваше младенчество да будет невинностью, ваше детство – глубоким уважением, созревание – терпеливостью, юность – доблестью, зрелость – приобретением заслуг, старость – лишь зрелым, мудрым взглядом. Проходя эти периоды жизни, ты не развиваешься, но, постоянно обновляясь, ты остаешься тем же самым. Когда этапы жизни проходят, они остаются в христианской душе одновременно и в согласии».

Взгляды швейцарского богослова тут близки взглядам его друга Ф. Ульриха (особенно работа «Человек как начало. К философской антропологии детства»), а также частично совпадают с некоторыми современными психотерапевтическими школами – например, это транзакционный анализ или психотерапевтическая модель Е.Дж. Чопич и М. Поль.

Основания «антропологии сыновства» Ганс Урс фон Бальтазар видит в жизни Иисуса Христа, Который все Свое существование явил как существование дитяти. Это «Вечное Дитя» «никогда не покидало лона Отца (Ин 1,18)». Нетрудно заметить, что все Его существование заключено в детско-сыновнем отношении к Отцу: как дитя, он исполняет роль Отца- «...Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня» (Ин 6,38); хвалится Своим Отцом: «Отец более Меня» (Ин 14,28); дитя нуждается в подтверждении (любящем подтверждении) – «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф 17,5) (предвечное подтверждение любви Отца к Сыну).

Крик Ребенка в Вифлееме и крик Ребенка на кресте: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк 15,34) и «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк 23,46) являют сыновство, которое не было лишь переходным этапом в существовании Сына. Бальтазар замечает, что это касается самой сердцевины этого существования, ведь этимология слова «есмы» (bin) – «я есмь» (Ин 8,58) указывает на понятия, говорящие о становлении и бытии (Werden und Sein) – бытие и неустанное рождение из «недра Отчего».

Христос предлагает нам то, чем Сам живет: вводит нас в тайну Своего Сыновства, подтверждая и окончательно делая возможным исполнение самого основного закона существования: «Нас утешает то, что христианство со своей прекрасной верой являет себя как исполнение истины, уже известной нас в нашем человеческом мире, истины, которую мы можем признать глубочайшей, самой плодотворной нитью жизни: «я» может появляться и существовать только в любящем его «ты». Бог стал человеком, чтобы этот простой и очевидный закон – может быть, самый очевидный из всех – стал для нас обязательным законом существования, все объясняющим и всюду приносящим мир».

4.2. Дитя и молитва – диалог любви как место рождения и бытия

Сыновнее отношение Христа к Отцу рождается в молитве. Он не только молится, Он Сам – молитва. Все Его существование – это молитва, размышление-созерцание и действие-мистика. Даже будучи младенцем, за пределами человеческого сознания Он – Слово к Отцу и от Отца. Его слезы, учение, смерть и воскресение – акты молитвы; Его предвечное пребывание в лоне Отца – молитва.

Христос, включая человека в Свое сыновнее отношение, тем самым включает Его в молитвенный диалог между Собой и Отцом. В этом диалоге рождается молитва человека (подобно языку ребенка в диалоге родителей).

Это сознание укрытого пребывания в триединой молитве углубляет в молящемся детское доверие и полное вверение себя любящему Отцу. Самое лучшее изложение детского отношения нам дает «малый путь» св. Терезы из Лизьё, швейцарский богослов уделил ей много внимания, называя ее «подлинной святостью» (die wahre Heiligkeit). «Малый путь», проистекающий из детского ощущения безопасности, являет свое богатство в переживании жизни «здесь и сейчас», умения концентрироваться и открытия великого богатства текущего момента. Ведь трудно молиться тому, кто, убегая от «здесь и сейчас», всю энергию расходует на вредные пристрастия или же боязливый анализ прошлого или будущего.

Детская концентрация на том, что происходит «здесь и сейчас», позволяет молящемуся включить в свою молитву всю реальность своей слабости. Ибо в молитве «строится мост между Божьей глубиной и потребностями человека». Эта возможность слушать и выражать свои потребности вводит молящегося человека в его глубину, позволяет человеку открыть себя самому себе, ибо в молитве должны быть «я» и «ты». Это взаимное открытие себя. Глубочайшие потребности человека показывают одновременно его слабость, позволяют пережить свою ограниченность, место, где соприкасаются «бытие» и «ничто» (Sein und Nichts), чувство бессилия, непонимания, внутренней пустоты и тьмы.

В Святом Духе, Который «подкрепляет нас в немощах наших» (Рим 8,26), этот опыт может стать словом молитвы, «взаимного открытия себя друг другу», где яснее всего видно – кто Бог, а кто – человек, который без Него остается трагическим ничтожеством. Молитва рождается в «ощущении нашего ничтожества», а «место, с которого молимся, - это бытие потерянным, ад нашей экзистенциальной реальности». То, что Бог позволяет молящемуся пройти через мрак, ощущение отчаяния и подчас полного бессилия, рождает возможность сделать свое бытие более реальным, еще глубже укорениться в «здесь и сейчас», углубить

отношение ребенка, испытывавшего на себе, что без полного, детского доверия себя Любящему Отцу он погибнет вне границ «бытия и ничтожества».

Так пережитая перед Отцом слабость позволяет человеку принять ответственность за нее, а рождающееся отцовское отношение касается, прежде всего самого себя: «Итак, мы сами себе родители» (св. Григорий Нисский, Проповедь на книгу Екклесиаста). Призыв Христа по-отцовски принять дитя («Кто примет одно такое дитя во имя Мое...» Мф 18,5) связано также с заповедью возлюбить себя самого. Ибо тот, кто не сможет позаботиться о своей слабости (своем «внутреннем ребенке»), не позаботится и о слабости своего ребенка (это, например, приводит к перфекционизму в воспитании – «ты не можешь быть слабым»).

4.3. Дитя и надежда.

Познание своей слабости без Бога рождает отчаяния, депрессию; познание в молитве – надежду. Не анализируя свои слабости, дитя открывает надежду, но в надежде своего Отца, который видит его слабость.

Тайна всех тайн,
Распространяющаяся над всеми ними.
Бог в наши руки, в наши слабые руки
Вверил свою вечную надежду,
В наши преходящие руки,
В наши грешные руки.
А мы, а мы грешники,
Как же нам не иметь нашей слабой надежды
Не вверить Его вечным рукам.

Швейцарский богослов припоминает тут мысли трех авторов: Ж. Бернаноса, который особенно сильно подчеркивал единство надежды и детского отношения, Малой Терезы из Лизье, именуемой «Тереза Младенца Иисуса и Святого Лица» (тут содержится мысль о детском отношении, рождающемся в созерцании Святого Лица) и Ш. Пеги, который «малую надежду» поместил между великой верой и надеждой, словно ребенка (вокруг которого, как вокруг источника энергии, концентрируется вся жизнь) между родителями.

4.4. Дитя в послушании и свободе

Суть сыновства Ганс Урс фон Бальтазар видит в «любящем доверии (тем, кто заботится о ребенке) и безусловном (fragloser) послушании. Христос до такой степени

послушен Своему Отцу, что Он – Слово Отца. «Ибо то, что из существа этой любви открывается в существовании Сына, - это отречение от права располагать самим собой. Именно этому отречению Он обязан неслыханным динамизмом, с которым проводит свою миссию. Он отверг всякую предусмотрительность (осторожность) (Vor-sicht). Он полностью вверил Себя провидению (Vor-sehung) Отца, который послал Его и руководит Им. Так Он освободился от какой-либо необходимости калькулировать, дозировать и быть дипломатом в Своих действиях. Все это дало Ему побуждение и размах. Христос не должен беспокоиться из-за ожидающих Его стен противостояния, страданий, поражений и смерти, ведь Отец ведет Его. Отец выводит Его из глубочайших пропастей ночи. В акте полного послушания Сын обрел совершенную свободу; для Его действий открыта вся бесконечная необъятность Бога и смерти, бесконечная безмерность вечной ночи, как и вечной жизни. С самого начала Он вне «заботы» («Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться» - Мф 6,25). Он живет беззаботно, как это возможно лишь для того, кто раз и навсегда может во всем довериться заботливому Отцу».

Тут свобода и послушание составляют циклическую систему: *большая* свобода порождает *большие* возможности послушания и наоборот – *большее* послушание рождает *большую* свободу. Кризис послушания – это, в конце концов, кризис свободы.

4.5. Дитя и мужество – миссия (mission)

В свободе и послушании дитя не воспринимает себя как «брошенное в жизнь», но как посланного Отцом. Посланничество – ключевой христологический термин в богословии Ганса Урса фон Бальтазара. Сознание того, что Отец послал свое дитя, рождает вдохновение и отвагу в исполнении миссии. Processio и missio соединяются, становясь вместе критерием зрелого сыновства: «Поэтому Христос, воспитывая апостолов как своих последователей, должен вбивать им в головы неразрывно как полное ответственности принятие подражания Ему в миссии, так и сыновство, без которого это следование было бы невозможно».

Нужно большое мужество, чтобы быть отцом, и это невозможно без мужества быть ребенком. С другой стороны, без детского доверия и вверения себя не родится отвага исполнять миссию отца.

4.6. Дитя и смерть

Дитя рождается нагим, окруженное обещанием заботы; умирает нагим – с детским доверием погружаясь в тайну Отцовства: «В руки Твои предаю дух мой» (Лк 23,46). В этом

вверении себя дитя переживает смерть в христианском значении: одиночество и смерть как «опустошение отцовского лоно».

Человеческая смерть – следствие греха, опыт полной оставленности после греховного отвержения любви – может быть избавлена из плена эгоизма только через «смерть Бога», которая, как знак Его любви, может «охватить» смерть человека (Unterwanderung des Todes): «Задание, содержащееся в миссии Сына, - «греховную смерть» объять смертью вверения себя».

Бальтазар определяет эту объективную смерть в Боге как безграничное приношение себя («опустошение лоно»), оно, как средство жизни, выражает полное единение полного обладания и приношения, мощи и не-мощи в Боге. Отец отдает все, что «имеет», Сын – не собственное Слово, но Слово Отца, Дух Святой – не собственный дар, но Тот, Кто исходит от Отца и Сына.

Тут можно заметить сильное влияние мысли Ф. Ульриха, для которого существует «единство между жизнью и смертью» (смертью, понятой как готовность к совершенному отдаванию себя). В этом понимании смерть не находится в конце жизни, но в самом ее центре – как «бытие для» – «я каждый день умираю» (1 Кор 15,31). Любая миссия в Церкви – «труд смерти» (Arbeit des Todes), поэтому физическая смерть приходит в конце земной жизни не как кто-то чужой, но как «сестра жизни».

Это понимание смерти проистекает из дарованной в Церкви возможности участвовать в «объективной смерти» Христа, предвечного «Агнца как бы закланного», в Божественном единстве между смертью и жизнью, где смерть – знак тринитарной жизни, «переход к новой жизни». В таком значении одиночество и смерть – отцовский источник рождения общины. В одиночестве и смерти Иисуса на кресте родилась Церковь.

Постоянное «опустошение лоно Отца» дает возможность «опустошить свое лоно» – которое никогда до конца не опустеет. Чудо бытия Отцом – чудо способности любить – соединяется с чудом сыновства. Оба они – плод искупления. Кто, как дитя, со Христом, через Христа и во Христе принесет свое существование «на лоно Отца», сам испытает богатство отцовства, рождая и пребывая при жизни – «жизни с избытком» (Ин 10,10).

Раздел II: Причины современного кризиса отцовства

1. Кризис отцовства

В литературе, посвященной семье, сегодня подчеркивается кризис роли отца. Современную цивилизацию называют (может быть, несколько провокационно) «цивилизацией без отца». Обширный труд французских авторов под названием *«История отцов и отцовства»* начинается драматическими вопросами: «Есть ли еще будущее у отца на Западе? (...) Не являемся ли мы свидетелями (разделяющими вину за это или безразличными) распада отцовства? (...) Рост числа разводов и использование методов искусственного оплодотворения приводят к тому, что во многих случаях нельзя указать того единственного мужчину, который на самом деле является отцом. Есть и еще одна проблема: то, что все больше пар живут в конкубинате, не означает ли конца отцовства? Так или иначе, можно сказать, что образ отца стал хрупким: не распался ли он уже окончательно на куски? Сейчас не время задавать себе вопросы (ответы на них по меньшей мере не очевидны): «Что значит быть отцом? Какова отцовская функция?».

Такого рода оценки, мнения и вопросы можно найти и у многих других авторов. «Отец все слабее, более и более подавленный, более и более тусклый, так что нет ничего удивительного в том, что становится орудием темных сил. (...) В наши дни, когда отец предстает как посмешище (например, на телевидении), как объект подозрений (...), как сварливый дурак (когда, возвращаясь домой, не может предложить детям никакого поучения) или как нерешительный слабак (...) сын оказывается лицом к лицу с определенной проблемой. Какова должна быть его собственная жизнь мужчины? Некоторые сыновья попадают в отчаяние, скрывая его. Приведенные мнения (число которых мы могли бы еще увеличить) показывают, что отцовство более не является спонтанным и естественным даром, вынесенным из собственной (родительской) семьи. Ценность отцовства только предстоит открыть, осознанно выбрать, заботиться о ней и постепенно воплощать в жизнь.

2. Краткий исторический очерк великого кризиса

Почему настолько оскудела вера столь многих христиан? Обратимся, пусть вкратце, к истории. В первые века после Христа, вплоть до времен св. Августина (то есть IV – V в.) Церковь располагает великим богатством просто необычайной тринитарной жизни. Пресвятая Троица находилась в самом центре христианской жизни. Вместе с тем со времен св. Августина уже можно отметить некоторые особые акценты. Ведь, желая проникнуть в

глубину тайны Пресвятой Троицы, восточные Отцы, принадлежавшие в константинопольской традиции, подходили к этой тайне с перспективы библейского текста. А именно этот текст говорит о трех Лицах – Отце, Сыне и Святом Духе. Поэтому вопрос, который они себе задавали, звучал: как эти «Трое» могут быть «Одним»?

На Западе же, где на развитие мысли влиял св. Августин, вдохновлявшийся философией Платона, ставился противоположный вопрос: как один-единственный Бог может быть «Троицей»? Уже сам стиль задавания вопросов показывает нам, как по-разному расставлены акценты, и последствия этого проявятся позднее, в разные века. По этому пути почти неосознанно шли дальше, затемняя специфику, присущую каждому Лицу Троицы; а «Троицу» в сознании верных все более замещала идея Единого Бога.

3. Влияние протестантизма

Первый большой кризис однако разразился лишь в XVI веке, в эпоху Возрождения. Тогда во всей Церкви господствующим богословским течением были идеи св. Августина (св. Фома Аквинский исходил из вопроса: как Бог, Единый Бог, Творец неба и земли, может быть Троицей?). И именно августинец, Мартин Лютер, неправильно (или по крайней мере, произвольно, фрагментарно) прочитал и понял св. Августина, положив начало этому великому кризису. С Лютера начинается (хоть сам он не желал этого) крушение богословия Отца, но также и богословия Доброго Пастыря, понятой как богословие власти, авторитета.

Два факта из жизни Лютера стали существенными для всего дальнейшего развития современной истории.

Во-первых, Лютер жил во время, когда высшая церковная иерархия, папство, находилось в глубоком кризисе. Тогда правил папа Александр VI и другие папы того же типа, стиль жизни которых оставлял желать лучшего. Кроме того, появился подписанный ими проект «продажи индульгенций» для покрытия расходов, связанных со строительством базилики св. Петра. С другой стороны, для Ватикана этого времени характерна большая помпезность, шокировавшая Лютера. Но он совершил-таки ошибку, смешав слабость и слабого, болезнь и больного, и вместо того, чтобы сказать – если уж церковная власть больна, то ее надо лечить и очищать, он пришел к выводам, отрицающим ее как таковую. Кроме того, он спутал грешника и грех, забыв, что грешника следует уважать, независимо от того, насколько заслуживает осуждения его грех. Лютер предпочитал отсечь здоровое и призывал: «Долой власть!». У него было настолько спиритуалистическое понимание Бога, что он даже считал, что никто, кроме Христа, не может отражать лика Отца, ибо никогда не будет достаточно чист. И именно поэтому Лютер утверждал, что в мире не может быть людей, которые получают задание исполнять в Церкви пастырские функции – после

Христа. А ведь сам св. Павел возвещал: «Подражайте мне, как я Христу». И сам называл себя отцом своих верных. Он даже говорил им: «Хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (1 Кор 4,15). Так Павел применял к себе без всяких затруднений или смущения слово «отец», относясь к самому себе как к отблеску Христа и отцу Его учеников. Лютер же, напротив, возвещает – на религиозном уровне – уничтожение всяческих авторитетов, которые были бы продолжением Доброго Пастыря.

Но Лютер идет еще дальше. Его кризис состоит в сомнении не только в отношении людей-пастырей Церкви, но и в самой тайне Божественного отцовства.

Что происходит с Лютером? Он исходит из утверждения, что Бог прежде всего творит. Итак, он сначала видит Творца, а потом человека, который грешит. Будучи Творцом, Бог – источник жизни всех. Но с момента совершения первородного греха – утверждает Лютер – Бог решил, что одни спасутся, а другие – нет. ибо сам Иисус говорит о возможности спасения и осуждения. Поэтому могло бы показаться, что творение – это дар Бога всем, со спасением же дела обстоят иначе – оно касается лишь немногих. Ведь Лютер утверждает, что сам Бог избирает спасаемых, но избирает по Своей воле. Так у него появляется образ Бога-деспота, Он, будучи Творцом, родил всех людей, - когда люди грешат и падают, решает спасти лишь некоторых. Так он наполняет людей страхом перед спасением: этот капризный Бог, уже переставший быть благим Отцом, выбрал ли меня, чтобы меня спасти? Ища ответ на этот трудный вопрос, Лютер утверждает: знак того, что кто-то вошел в число спасенных, - его надежда, вера, что он будет спасен. И крепко держится за то, что тут речь идет лишь о чисто личном и субъективном ощущении.

В чем ошибка Лютера? Он перевернул библейские данные. О Боге как Творце говорят философы, а также ветхозаветная книга Бытия, в начале которой мы видим Бога Творца (что удивительно, он говорит во множественном числе: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему»), в ней речь идет о начале времен, начале истории. Новый же Завет идет гораздо дальше. Например, послание к Ефессянам, поясняя историю спасения, начинается с того, что было еще до сотворения мира и показывает, что еще в вечности, до того, как Бог открыл себя как Творца, Он был Отцом и Сыном и Святым Духом. И этот Бог, решивший создать людей, чтобы все они были Его детьми, - Отец. Так что дело не обстоит так, что в начале был Творец, который творит и только потом лишь немногим позволяет быть Своими детьми. Это не деспотичный Бог, который лишь немногим дает спасение, лишая его других. Он с самого начала решил создать всех нас, чтобы мы были Его детьми – в Его Сыне. Когда же мы согрешили, Он обновляет Свой дар – Его Сын приходит лично, дабы возвестить нам наше призвание: возвестить благодать

Божественного сыновства, даруемого – вновь – всем людям. Итак, драма состоит в том, что некоторые люди принимают спасение (призвание к тому же сыновству), а иные – нет.

Итак, с Лютера начинается искажение облика того Отца, который является Отцом всех людей. Кальвин приписывает Богу еще более суровые черты. Если для Лютера Бог был деспотом, для Кальвина Бог становится в богословском смысле диктатором. Кальвин совсем не верит в человеческую свободу. Согласно с его известным учением о предопределении, человеческая свобода – лишь видимость. Так возрастает страх перед Богом – деспотом и диктатором, Который делает с нами то, что ему хочется, не уважает человека, заранее ограничивает нашу свободу. Так открывается путь духовности страха перед Богом.

В этом подходе важнее всего – вытекающие из них практические последствия. Во-первых, протестантская реформация вызвала жестокие войны между католиками и сторонниками реформаторов. В XVII веке происходит страшная, ужасающая Тридцатилетняя война. Более беспокойные умы уже тогда начинают подрывать уверенность веры в Бога Библии: если во имя этого Бога верующие люди тридцать лет воюют между собой (по-разному, по-своему толкуя Библию), надо признать, что христианская вера не является надежным основанием для построения на ней братского сообщества. Начинает зарождаться идея (или хотя бы сонное мечтание) общества, основанного на чем-то, более всеобщем и более солидном, чем вера, на том, что могло бы быть общим для всех людей – на человеческом разуме!

Эта мысль появилась в XVIII веке. Либерализм – первая идеология, в которой выражается это желание построить более человечный мир, основанный уже не на Боге Библии, а значит, не на том Отце, чей Лик был затемнен, но на человеческом разуме. И либерализм распространяется все более как образец определенной автономной жизни, вопреки Богу. Он не отрицает прямо существования Бога, но тем не менее на практике ставит разум на Его место и только в частной жизни оставляет место для веры в Бога. У философов XVIII века, которые ведь признают Бога, Он все более сводится к некоему далекому Творцу, который в начале создал мир и установил законы, им управляющие (этот подход называли «деизмом»), но Он бесконечно далек от того, чтобы быть близким Отцом, любовь Которого, благодаря Его Провидению, сопровождает Его детей и окружает их в каждую минуту их жизни.

Либерализм привел к целой серии экономических злоупотреблений. Появляется и иная идеология, стремящаяся к тому же – построить человеческое сосуществование на разуме, отбросив и исключив, однако, капиталистически либерализм. Это был марксистский материализм. Обе эти идеологии хотят быть противницами авторитетов. С

XVI века, с начала бунта Лютера, направленного против власти в Церкви, мы до сего дня живем в культуре, отрицающей авторитеты. И тем самым враждебной Отцу.

Ведь Бог Отец – наивысший Авторитет, Он – Всесильный и Всемогущий. Так что каждое отрицание подлинного авторитета тем или иным образом становится отвержением Отца. Так историю Нового времени мы можем вкратце определить как историю конфликта между свободой и властью. Можно даже сказать, что в Возрождении западная культура определенным образом достигла свою «культурную зрелость» в том, что начинается бунт против образа Отца.

4. *Общественные причины кризиса отцовства*

Многие авторы ищут причины кризиса отцовства как на общественном и психологическом уровне, так и на религиозном и духовном. Несомненно, одна из главных причин, которую указывают, возможно, чаще всего, - развитие технической цивилизации. Она требует от мужчин огромной профессиональной занятости и вбирает значительную часть их энергии и жизненных увлечений. «Прошло каких-то 140 лет с начала на Западе фабричного труда в полном смысле этого слова, и за это время с поколения на поколение ослабевали связи отца и сына, последствия чего катастрофичны».

Цивилизационный переворот, произошедший на рубеже XIX и XX веков, повлиял не только на отношение отца к ребенку, но и на связь между мужчиной и женщиной. «За два поколения (...) появляется новый тип женщины, угрожающий определенным границам между полами. (...) Женщины требуют полных гражданских прав, хотят зарабатывать на свою жизнь вне дома. (...) Большинство мужчин враждебно относится к движению за эмансипацию женщин. (...) На каждой ступеньке общественной лестницы они чувствуют угрозу своей идентичности». Расстройство отношений между мужчиной и женщиной – мужем и женой – существенно влияет, разумеется, на отношение отца к ребенку.

Некоторые авторы также указывают, что важным элементом кризиса отцовства стал также экономический фактор: «Сейчас, когда большинство замужних женщин разделяет с мужчинами обязанность содержания семьи, с тех пор, как в большинстве случаев заработки жен приближаются к заработкам мужей или сравнялись с ними – мужчина утратил свое исключительное положение главы семьи. Его положение стало несколько «никаким», до конца не определенным».

Другая важная причина кризиса отцовства в общественно-психологическом измерении – это, несомненно, культ успеха, присущий нашей цивилизации. Кроме усилия, отданного работе ради заработка, мужчина сегодня расходует много энергии также на профессиональное соперничество. В погоне за успехом важнейшие эмоциональные

отношения (в том числе отношения с детьми) отходят на второй план. Карен Хорни отмечает, что стремление к успеху часто несет на себе печать невротического соперничества: «Каждое острое соперничество содержит элемент враждебности, ибо победа одного означает поражение другого». Это видно во многих сферах человеческой деятельности: в политике, спорте, в бизнесе, в культуре, в СМИ и т.д. Если противник унижен, тогда даже скромное достижение становится «огромным успехом».

С культом успеха возрастает значение чувства зависти. Оно рождается не только из-за отсутствия собственных успехов, но и из-за соперничества. Сознание того, что соперник добился больших успехов, вселяет во многих людей напряжение и чувство опасности. Отсутствие успехов в работе приводит к тому, что «современный отец приходит домой в состоянии раздражения, вытекающем из бессилия и беспомощности, смешанных с устойчивым стыдом и бесчувствием, типичным для тех, кто ненавидит свою работу. (...) Сын особенно получает (...) ревнивого *Nobodaddy*, как его называет У. Блейк: «Не Породившего Сына отца» - мужское начало, живущее в Царстве Зависти». Когда дитя – особенно же сын – не видит творческого труда своего отца, но лишь его фрустрацию и недовольство собой, тогда в нем легко рождаются «демоны подозрительности. Эти демоны, невидимые, но разговорчивые, склоняют к подозрительности по отношению ко всем старшим. Эта подозрительность ведет к разрушению общины старых и молодых мужчин».

Дух соперничества и подозрительность молодых мужчин по отношению к старшим становятся причиной постоянного конфликта отца и сына. Этот конфликт был подробно описан и интерпретирован Зигмунтом Фрейдом в ключе сексуального соперничества. Однако Бруно Беттельхайм отмечает, что «фрейдовская версия ненависти отец-сын не касается большинства традиционных культур. Немое напряжение между отцами и сыновьями, которое Фрейд считал всеобщим явлением, основанным на сексуальной ревности, было скорее типично – по мнению Беттельхайма – главным образом для Вены конца XIX века. Лишь более полное познание других культур позволяет нам увидеть, что лишь западная цивилизация, переживающая кризис семьи и брака, несет на себе печать этого нездорового соперничества между отцом и сыном. В большинстве племенных культур «отцов и сыновей соединяют отношения, окрашенные толерантностью, окрашенной взаимным интересом. Сын должен многому научиться, поэтому отец проводит с ним много времени, делая наконечники для стрел, починая копья или выслеживая воображаемую дичь. (...) Антропологи, одержимые этими демонами, утверждают, - отмечает Роберт Блай, - что старики в примитивных культурах под прикрытием ритуалов инициации на самом деле подвергают молодых мужчин унижению и садистским ритуалам. (...) Рок-музыкант не без тени злобы играет музыку, которую его дедушка никогда не поймет».

5. *Религиозные истоки кризиса отцовства*

Кажется, что кризис отцовства в современной цивилизации – это также и следствие оспаривания религиозного и духовного опыта. Оспаривание того, что Бог является Первоисточником человеческого существования, бьет по человеку и по его опыту отцовства и материнства. Без Бога Отца человек перестает понимать себя и свое призвание к любви и передаче жизни. Просьбу устранить Бога из современной цивилизации хорошо передает так называемое «богословие смерти Бога». Это «безбожный миф», созданный атеизирующей философией XIX века. Миф о «смерти Бога» появился в «Романтических призраках» Жана Поля Рихтера (в американском издании – «Мечта атеиста» - *прим. перев.*): «Кладбище перед полночью. И тогда вошли во храм поднявшиеся из могил дети, и смотреть на них было мукой. Они бросились к ногам высокого образа на алтаре, говоря: «Иисусе, у нас нет отца?». И он отвечал, обливаясь слезами: «Мы сироты, мы все без Отца». Подобных «философских призраков» можно найти у Гейне: «Ничто не могло Его (Бога) спасти. Разве вы не слышите звонки? На колени! С таинствами идут к умирающему Богу». Наиболее агрессивную форму миф приобретает в книге Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Последний человек говорит ему, что Бог умер, и Ницше радостно возвещает эту новость. Более того, он желает сам быть актером этой драмы, участником этого убийства. Для него «смерть бога» - это освобождение человека; оно подготавливает рождение человека. (...). Атеизм XIX века – это гуманизм. Он жаждет «смерти Бога», чтобы мог жить человек».

Если умер Бог-Отец, то не существует более источник блага, любви и жизни. Только Бог благ, только Он – подлинный Отец. Именно с богословием «смерти Бога» тесно связывается философия зависти, подозрительности, чувственности. Смерть Бога неизбежно становится также и смертью человека. Смерть Бога и смерть человека тесно связаны между собой. «Ницше упразднил понятие Бога. На его место он поставил понятие Человека. Но этого еще мало, это лишь первый этап. Атеизм должен теперь пойти значительно дальше: он должен упразднить также и понятие Человека», - отмечает Р. Мартен дю Гар.

Отвержение Бога – Отца, Подателя жизни, существенным образом отражается на отцовстве и материнстве. Ведь супружеская и родительская любовь – это отражение любви Отца к Сыну в Святом Духе. Отвержение любви Творца к творению приводит к тому, что и человеческая любовь теряет свои корни. Отвергая предвечный Источник любви, современный человек беспомощно спрашивает: «Почему в человеческой любви (эротической и сексуальной) партнером мужчины может быть только женщина, а партнером женщины – лишь мужчина? Почему исключены отношения между мужчиной и другим мужчиной или между женщиной и другой женщиной? Почему человеческая любовь

должна приносить плод – детей? Почему в супружеской любви надо хранить верность до смерти? Почему нельзя прерывать жизнь нерожденного ребенка? Такие сомнения и искушения появляются у каждого, кто утратит твердую веру в Бога – Отца и Подателя человеческой жизни. Ведь если мы отвергнем Творца человека, тогда утратит свой фундамент человеческая любовь. Только опыт того, что Бог – любящий Отец и любящая Мать, может стать окончательным основанием супружеской и родительской любви.

6. *Эмоциональная связь с отцом*

Подлинное отцовство не ограничивается лишь физической плодovitостью, оно распространяется также на духовную и эмоциональную плодovitость. Следовательно, зрелость, которой оно требует, проявляется не только в отношениях с ребенком, но и во всех межчеловеческих отношениях: с собственными родителями, с женщинами, с обществом, с миром, с самим собой и с Богом. Поэтому и «естественное отцовство», переживаемое в семье (как и «духовное отцовство» в безбрачии) требует с одной стороны исцеления конфликтных отношений, а с другой стороны – позитивного построения зрелых человеческих отношений.

Кризис отцовства, описываемый психологами и социологами, можно явственно заметить также и в контактах с молодыми людьми. Многие из них переживают глубокие эмоциональные травмы, нанесенные им их отцами. Эти раны выглядят по-разному. Чаще всего они проявляются как бесчувствие или даже эмоциональная сухость. Подавляющее большинство молодых людей, прибегающих к духовному руководству, глубоко скорбят о том, что у них не было эмоционального контакта с отцами, как в детстве, так и в периоде созревания. Многие с болью отмечали, что «отец никогда не играл со мной, не говорил о моих делах, не ходил со мной гулять, не ходил в кино».

Эмоциональное бесчувствие отца проявлялось с одной стороны в «суровой» манере держаться – крик, частые наказания, отсутствие откровенных разговоров, чрезмерном ограничении личной свободы; с другой стороны – в удалении от жизни семьи и бегстве в «собственные дела»: профессиональные занятия, незначительные хобби или же в светские развлечения вне семьи. Особенно болезненно дети переживают отцовское бегство в злоупотребление алкоголем.

Чтобы подготовиться к зрелому отцовству, нужно прежде всего проанализировать тот опыт отцовства, который молодой человек получил в детстве и в период созревания. «Не анализируя личности собственного отца, не ища причин, сделавших его таким, какой он есть – (сыновья) попадают в страшную безнадежность, вытекающую из принятия общей концепции уменьшенного отца: «Я от бракованного мужчины, из бракованного материала

происхожу, так что буду, конечно же, таким, как он». Подавляя в себе отчаяние, они переживают крах, живут во внутреннем бесчувствии, во мраке – ибо и отец живет во мраке».

Анализ поведения собственного отца важен и для дочери. Незрелая позиция отца может «серьезно разрушить способность дочери в будущем доброжелательно относиться к мужчинам. Ярость, с которой некоторые женщины атакуют патриархат, - это в значительной степени плод неудачного опыта их отцов, не справившихся со своей ролью воспитателя».

Молодой человек, испытавший «мрак отца», встречается лицом к лицу с трудной и болезненной задачей внутреннего исцеления как отношения к отцу, так и отношения к самому себе как мужчине. Это исцеление – обычно длительный процесс, требующий активного личного участия и помощи духовного руководителя. В случаях более глубоких травм необходима также и терапевтическая помощь.

Хорошая эмоциональная связь с отцом в детстве и юности в свою очередь становится основой «эмоциональной стабильности» и чувства безопасности на всю последующую жизнь как для девушек, так и для молодых людей. У девушек, имевших хорошую эмоциональную связь с отцом, обычно возникают более простые и естественные отношения с противоположным полом. Юноши же, имевшие хорошую эмоциональную связь с отцом, гораздо проще справляются с ощущением собственного достоинства, с эмоциональными и сексуальными проблемами, как и с самоутверждением в работе и правильно понимаемым успехом.

7. Эмоциональная связь с матерью

Потеря равновесия в отношениях сына с отцом, а через него – с другими мужчинами, часто становится причиной нарушения равновесия также и в отношениях с женщинами. «Сын, израсходовав большую часть своей критичной и циничной энергии на подозрения в отношении старых мужчин, может это уравновесить простодушием в отношениях с женщинами – или мужчинами – своего возраста. Современный мужчина часто соглашается, что женщина знает о любви больше, чем он, пассивно подчиняется ее настроениям, считает, что она атакует его «ради его собственного блага». Так что формирование в себе отцовского отношения требует от молодых мужчин проанализировать поведение не только своего отца, но и матери. Ведь для мужчины мать всегда остается «первой женщиной», в значительной мере на основе ее образа формируются его ожидания в отношениях с другими женщинами.

Зачастую случается, что мать-жена, не получая достаточной эмоциональной поддержки от мужа-отца, ищет ее в детях, особенно в отношениях с сыном. В такой ситуации эмоциональная связь бывает действительно сильна, но несет на себе печать определенной эмоциональной жадности. Один из ее симптомов – склонность к «эмоциональному оружию»; она проявляется в обидчивости, замыкании в себе, возбуждении чувства вины через демонстрацию своих страданий, вызывании страха перед отвержением или же в чрезмерном ограничении личной свободы ребенка. Такое поведение матери обычно довольно быстро вызывает «раскаяние» ребенка, который, подавляя нередко самые естественные желания и чувства, делает то, чего желает мать.

Сильная эмоциональная связь с матерью приводит к тому, что сын – будущий муж и отец – чувствует себя потерянным, неуверенным в себе, слишком зависимым от женщины. Эта зависимость ранит его мужскую гордость и порождает внутренний гнев, который обычно ищет какого-то выхода. Трудоголизм, алкоголизм, гомосексуальные склонности, мужская жестокость, незрелые гетеросексуальные отношения, страх перед ребенком, принуждение женщины к аборту – все это у многих мужчин указывает на внутренний конфликт с женщиной, начало которого – конфликт в отношениях с матерью. Слишком много отцов свой гнев на женщину (жену и мать) переносят на своих собственных детей. Воспитание молодого мужчины как отца нуждается в прозрачных и зрелых ориентирах в отношениях с женщиной, нередко все начинается с исправления отношений с матерью.

Критическое отношение к пережитому в детстве отцовству и материнству по меньшей мере не состоит в том, чтобы отрезать себя от собственных родителей. Как раз наоборот. Формирование в себе зрелого отцовского отношения требует от молодых мужчин построения «новых» отношений с родителями, основанных на принципе партнерства и дружбы.

8. Созревание отцовства

Поиск собственной идентичности как мужчины и отца не сводятся только к пониманию отношений с собственным отцом и матерью. Необходимо также и самостоятельная, позитивная выработка черт, которыми должны характеризоваться зрелое мужество и отцовство: чувство собственного достоинства и ощущение силы, способность к зрелой любви жениха и мужа, забота о более слабых (особенно о женщинах и детях), прощение и примирение, способность выражать свои чувства, открытость «новой жизни», творчество, открытость трансцендентному. Однако для выработки в себе этих черт и моделей поведения нужно много работать – упорядочить свою эмоциональную сферу, одолеть эгоизм, концентрацию на себе, гордыню. Эта работа не может сводиться только к

психологическому измерению. Она должна происходить и на духовном уровне. Работа над эмоциями должна быть тесно связана с духовным измерением. Ведь духовный опыт – важнейший ориентир для человеческого отцовства.

Чрезвычайно важная черта воспитания в себе зрелого отцовства – приобретение все большей внутренней свободы. Ибо свобода – существенная черта мужественности. Мужчина – муж и отец – нуждается во внутренней свободе, чтобы глубоко и спонтанно войти в интимные эмоциональные отношения как со своей женой, так и с детьми. Многие мужчины, живущие в браке и в семье, избегают более глубоких отношений с женой и детьми, потому что опасаются потерять свою свободу. Свобода мужчины выражается в соблюдении «должной дистанции» в отношении реальности и в возможности совершить осознанный и свободный выбор.

Внешняя свобода (в отношении людей и вещей) предполагает предварительное обретение внутренней свободы: свободы по отношению к собственным чувствам, желаниям и устремлениям. Внешняя несвобода обычно является следствием несвободы внутренней. Поэтому важный элемент подготовки к зрелому отцовству – это обретение свободы в отношении собственных эмоциональных потребностей (тепло, сердечность), в отношении мужских амбиций, тенденций к разочарованию, печали, депрессии, свободы в отношении чувства гнева или агрессии, свободы от потребности доминанции, соперничества, свободы в отношении собственных сексуальных потребностей. Именно этот опыт собственной внешней и внутренней свободы дает мужчине столь для него важное чувство самоуважения, собственного достоинства и правильно понятой силы. Переживание свободы – также и фундамент человеческой идентичности – как мужчины.

В подготовке к зрелому отцовству и материнству существенное значение имеет также хорошее переживание периода обручения. Нередко молодые люди теряют шанс построить крепкую семью, стать хорошими отцами и матерями, потому что не воспринимают серьезно подготовку к таинству брака. Эмоциональное притяжение, а также естественным образом соединяющееся с ним притяжение сексуальное, недостаточны, чтобы выстроить устойчивые отношения с женой и детьми. Необходима и постепенно приобретаемая эмоциональная и духовная зрелость – будущие супруги и родители должны воспитывать друг друга в этом отношении. Эта зрелость становится источником ответственности, бескорыстия и жертвенности как в отношении супруги (супруга), так и в отношении собственных детей.

Влюбленность, любовное притяжение, - это великий Божий дар и поразительный источник человеческой энергии. Молодые люди должны ею пользоваться, принимаясь за работу над собой, труд эмоционального и духовного созревания.

Фундамент счастливого брака, отцовства и материнства – это всегда личные изменения каждого из партнеров, соединенные с взаимным самопознанием и принятием себя. Однако же этот процесс предполагает готовность умереть – пожертвовать своими нуждами и своими желаниями. Настоящая любовь требует выйти из себя, открыться другому – в том числе и Богу.

9. Переживание Бога как Отца

Переживание отцовства как на естественном, так и на духовном уровне требует прежде всего обратиться к Первоисточнику нашего существования – к Богу как Отцу. Открытие подлинного – отцовского – Лица Бога становится для нас самым надежным фундаментом, на котором возможно свободное и зрелое построение естественного отцовства.

В Пресвятой Троице все исходит от Отца. Это Он вечно рождает Сына – Свой совершенный образ. Это из Его любви к Сыну происходит Святой Дух. И также к Отцу возвращается жизнь, переданная Сыну и Духу. Ведь Сын полностью обращен к Отцу: Отец любит Сына, ведь Тот всегда делает то, что угодно Отцу. Итак, отцовство Бога означает, что от Него все происходит. Он – начало всего. От Него происходит Сын – «Бог от Бога, Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного, рожденный, не сотворенный» (Никоно-Константинопольский символ веры). Отец – вечная любовь. Он – Начало любви и Источник всяческой любви. Он – «бесконечное желание блага».

Любовь Отца – это источник нашей жизни и нашей способности передавать жизнь: отцовства и материнства. Предвечная любовь Отца возжелала, чтобы мы получили жизнь от наших родителей и чтобы сами мы рождали «новую жизнь». Каждая жизнь связана с любовью Отца и происходит от Его Божественной любви. Любовь Отца к Сыну отражается в каждом из нас. Всякая человеческая любовь берет начало в любви Отца к Сыну. Бог сотворил человека по образу Своему, по образу Божьему: мужчину и женщину сотворил, сотворил отца и мать.

Не только все от Отца происходит, но и к Нему все устремлено. Отец открывается нам как окончательная цель – предел человеческой жизни. Сын происходит от Отца только затем, чтобы вернуться к Нему.

Отцовская и материнская зрелость рождается в нас не только благодаря нашей работе над собой, но и благодаря продолжительной молитве, в ней мы созерцаем Личность Иисуса, Его жизнь, Его учение, а особенно Его смерть и Воскресение – и открываем Бога как Отца: «И видящий Меня видит Пославшего Меня».

В мире, обрубающем свои корни – отходящем от Творца – мы призваны поклоняться предвечной любви Бога Отца. Открывая Отца, мы открываем источник нашей жизни, открываем себя, открываем семейную жизнь, призвание к отцовству и материнству.

Отцовская любовь, склоняющаяся над каждым из нас, дает нам почувствовать смысл и цель человеческой любви, в том числе любви отцовской и материнской. Чем больше ран принес нам тот опыт отцовства и материнства, который мы приобрели в жизни, тем больше мы нуждаемся в поклонении отцовской любви Бога.

III раздел: Духовное отцовство в опыте Восточной Церкви как попытка ответа на современный кризис отцовства

Пути человеческого духа, пусть порой их и разделяют географические расстояния, умственные и мировоззренческие различия, удивительно похожи. Паисий Величковский, обновивший исихастское движение в Восточной Церкви, много лет встречал те же самые трудности, что и св. Тереза Авила, Учитель Церкви в западной традиции. Как отец Паисий, так и Тереза Великая, несмотря на усердные поиски, не могли отыскать «духовного отца», «духовного руководителя». Исихаст все же был начитан в аскетических произведениях Отцов Восточной Церкви, Тереза читала аскетические труды западных мистиков – и благодаря этому они в конце концов достигли вершин духовной зрелости. Однако прежде чем Паисий получил дар «духовного отцовства», к нему подошел какой-то молдавский монах и попросил указать духовного руководителя. Паисий отвечал: «Брат мой, ты вынуждаешь меня заговорить о неприятных вещах. Сам я, как и ты, весьма усердно искал и не нашел... Как можно вести кого-то по пути, которым сам не ходил». И добавил, что только тот, кого ведет Христос, пройдя всяческие испытания, может счесть себя таковым, но – «где найти такого наставника? Немногочисленны они в наше время».

Эти слова были сказаны в XVIII веке, веке *рационализма* и *энциклопедизма*, который полностью утратил «духовное видение мира» (Т. Шпидлик), но остаются актуальными до сих пор, в нашу «современную» эпоху (или же в эпоху «постмодерна»), когда вещи уже не сияют духовным блеском, когда почти полностью утрачена чувствительность к духовным глубинам мира и человека. По существу, в окончательных и самых важных для человека делах историческое время роли не играет. Развитие духовной жизни человека протекает иначе, в ином пространстве и времени. Для человека время всегда «коротко». Поэтому потребность в духовном отцовстве или же в духовном руководстве, будучи потребностью нашей интегральной человеческой природы, всегда актуальна. Об этом знали уже древние философы. Отцы-пустынники продолжают их дело, а педагогика пустыни в существе своем – это философская педагогика. Удивительный факт уподобления христианской этике этике философской в IV веке (в период монашеского движения или же попросту «монашеской революции») – следствие того, что в это время философия – не столько интеллектуальные спекуляции, сколько «прежде всего образ жизни, стиль жизни». Монахи «философствуют», ибо философия – это не что иное, как «исцеление душ». Это Иисус Христос, Воплощенный Логос, Терапевт, через Своих посредников, «монахов-философов», лечит души. Ничего удивительного нет в том, что *Филон Александрийский* называет философами тех, кто живет в уединении, изучая Закон, а потом «исцеляет души». Как и для стоиков, для них

философия – это духовная терапия. Как говорит стоик: «Единственным нашим делом должно быть наше исцеление».

Духовное отцовство – универсальная человеческая потребность, а вместе с тем и область жизни Восточной Церкви. Именно Восточная Церковь, не позволившая себя втянуть в политическое завоевание мира, может считать себя подлинной наследницей, преемницей, хранительницей духовного сокровища отцов-пустынников, о которых можно было бы сказать, что они были первыми настоящими *pneumatophoroi*, «носителями Духа». Традицию духовного отцовства в Восточной Церкви все же нельзя понять вне всей ее жизни, то есть вне развития и формирования догматов, нравственного богословия, вне развития духовности. Специфическая форма духовного отцовства на Востоке связана так же и с тем, что на Востоке богословие никогда не превращалось в рассуждения и диалектические спекуляции.

На Востоке богословие – это в первую очередь дело молитвы. *Евагрий Понтийский* учит: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься – то ты богослов». Поэтому и столь принципиальный для Запада и западной схоластики вопрос отношения разума и веры никогда не появился, потому что и не мог появиться, на Востоке. Восток никогда не отделял разума от веры, а подлинным познанием считал «интегральное познание», в котором разум и вера соединяются воедино, составляя один акт познания (цельное знание – славянофилы). Восток точно также не разделял ригористически богословия и мистики, «мирской» и духовной жизни. Духовные и богословские достижения – общее дело клириков и мирян, монахов и богословов. Как говорит видный исследователь восточного богословия *Владимир Лосский*: «Восточное предание никогда не проводило резкого различия между мистикой и богословием, между личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью». На Востоке «богословие и мистика отнюдь не противопологаются; напротив, они поддерживают и дополняют друг друга».

Духовная жизнь на Востоке, несмотря на свою духовную независимость и видимость духовного анархизма, никогда и не заканчивалась – как на Западе – в лабиринте духовного индивидуализма и психологизма и было глубочайшим образом связано с ортодоксией. И в той же, ортодоксальной перспективе, мы хотели бы теперь показать глубочайшие – богословские – основания духовного отцовства на Востоке.

1. Богословские основания духовного отцовства

Само понятие «духовного отцовства» могут вызвать догматические и богословские замечания. Иисус оставил это имя только для Своего Отца, Сущего на небесах, и дал также

четкое указание: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах». Поэтому видный исследователь проблемы пишет: «Семитское слово *abbas* перешло из греческого языка в коптский, армянский, грузинский, латынь, а из латыни – во все христианские языки. *Святой Бенедикт* говорит, что это слово – атрибут Христа. Но никто не сомневается, что в высшей степени это имя принадлежит Отцу Господа нашего. Откровение о том, что Бог – это Отец, - подлинная новинка в истории религий, если использовать это слово в его подлинном значении. Но нет ли тут расхождений, нет ли неуместности, если этим святым именем называют людей, тем более что само Евангелие это запрещает?». Вслед за И. Хаусхерром исследователь рассеивает наши сомнения: конечно же, это название в христианстве в высшей степени уместно; первые христиане обращались к своим старейшинам и духовным наставникам, называя их «авва», поскольку отмечали в их деятельности «сверхестественное участие в Божественном отцовстве и его отражение». Схожее определение находим в Правилах св. Василия Великого: «Как Бог, Который Отец всем и благоволит именоваться так (...) так и духовный у людей отец». Итак, опыт духовного отцовства в существе своем проистекает из учения Господа нашего, велевшего нам обращаться к Своему Отцу «Авва» («Отче» и даже нежнее «Папочка»). Эта черта открытия в человеке сходства с Отцом, «Сущим на небесах», выделяет христианство на фоне иных монотеистических религий, например, иудаизма и ислама. Нет ничего удивительного в том, что Мухаммед аль-Бируни, живущий на рубеже X и XI веков мусульманин, был потрясен этим обращением к главам монастырских общин. По сути дела, это звание не было бы оправданно, если бы не тот факт, что у всякого отцовства есть лишь один «образец» и «начало». Знаток восточного богословия иезуит Ж. Даниелу отмечает: «Отцовство Бога прежде всего означает, что все от Него происходит, что Он – начало, архэ, первопричина, как говорит греческий текст. Это один из пунктов, которые особенно выделяет восточное богословие. В Троице Отец – принцип. Именно поэтому восточные люди не принимают западную формулу «*filioque*», отмечая, что ее можно интерпретировать таким образом, будто в Святой Троице существуют два принципа».

На Востоке духовное отцовство – не духовное менторство, поучение или лидерство, оно – онтологическая и личностная реальность, укорененная напрямую в тринитарной тайне Бога, в тайне Пресвятой Троицы. Поучение, управление на самом деле существенны, но все же они отходят на второй план перед тем фактом, что каждое истинное духовное отцовство – это «рождение» по образу Божественного Отцовства. Поэтому и нельзя ни научиться духовному отцовству, ни овладеть им, как какой-то областью знания, ни приобрести, как навык. Духовное отцовство – это харизма, дар Святого Духа. Поэтому говорит святой Павел: «Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много

отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием». Известный православный богослов Павел Евдокимов совершенно очищает это понятие ото всех наростов дидактизма или морализаторства. Он пишет: «Духовный отец» - не учитель, он – тот, кто «рождает» по образу Отца Небесного; это «таинство усыновления». Нельзя овладеть «искусством отцовства», как дисциплиной знаний. Генеалогия отцов-пустынников говорит о харизматической передаче, пользуясь глаголом «родил». Итак, «Макарий родил Аммония, Аммоний родил Сисоя» и так далее»

Духовное отцовство – повторим – берет свой образец и «начало» (αρχή) в самой жизни Святой Троицы, где Отец «рождает» Сына в Святом Духе, что с большой точностью выражают христологические догматы IV века. Духовное отцовство – интегральная часть христианской духовной жизни, и – как любая подлинная христианская духовная жизнь основывается на тринитарной тайне; оно лично и тринитарно, а межличностные отношения в Святой Троице – его Образец и Начало. Как скажет Ж. Даниелу: «Христианская духовная жизнь состоит во введении в сферу тринитарной жизни, чтобы стать сыном Отца, братом Христа, святыней Духа и смочь лично войти в отношения с Отцом, Сыном и Духом Святым». Один из величайших авторитетов восточного богословия, Псевдо-Дионисий Ареопагит, говорит: «Вся сила нашей умственной деятельности дает нам способность понимать лишь то, что всякое представление о божественном Отечестве и Сыновстве дарованы и нам, и сверхнебесным силам за пределами всему Отценачалием и Сыноначалием, благодаря Которым боговидные умы становятся и называются богами, сыновьями Божьими, и отцами богов – речь идет, конечно, об отцовстве и сыновстве в духовном смысле, то есть о явлении бестелесном, нематериальном, умозрительном, богоначальный же Дух пребывает выше всякой умственной невещественности и обожения, и Отец и Сын в высшей степени за пределами всякому божественному Отечеству и Сыновству». Саму настоящую хвалу этому Отцовству воздал святой Павел, говоря: «Для сего преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле». Икона Божественного Отцовства и Сыновства поэтому – единственный Образец и Начало всякого иного истинного отцовства и сыновства «на небесах», как и «на земле», в этом и будущем «веке».

Почему мы снова и снова подчеркиваем богословские, догматические и библейские основы «духовного отцовства»? Так вот – в контексте сказанного нами выше становится очевидным, что всякое отцовство, в том числе и «духовное», которое не «подражает» Божественному Отцовству и не видит в нем своего образца и начала, тем самым становится пародией на него и подражает вечной гримасе сатаны – и его началом становится «человекоубийца от начала», «отец» всяческого обмана и неправды. Так что Икона Божественного Отцовства и Сыновства для нас – пробирный камень истинности нашего

духовного «рождения»; нашего «отцовства» и нашего «сыновства». В этом Первообразе мы словно рассматриваем его и видим. Критерий нашего «рождения» для вечной жизни – Сам Предвечный Образ, Божье Слово, Иисус Христос. Ведь всякое отцовство, не признающее отцовства «на небесах», по меньшей мере, становится благодаря этому не автономным отцовством (в современном, гуманистическом и мирском значении), но пародией и отрицанием истинного отцовства; участием – по словам св. Григория Нисского – в «маске» мнимого бытия и пустоты. А в конце концов становится искажением нашей человеческой личности и природы, которая тем более становится нашей, чем больше уподобляется своей иконе, праяобразу, Архетипу. Должно быть, это, между прочим, и значит: отец ваш дьявол. Ибо как раз к такому «отцовству» Змей склонил в раю Адама и Еву, и это повторяется на протяжении всей человеческой истории. По сути, это притязание на титул «отцовства-родительства», на «бытие как Бог». Библейские авторы говорят так: «вознеслось сердце твое и ты говоришь: «я бог». Сейчас можно спросить: не являются ли разнообразные ошибки и извращения наших дней плодом забвения этих фундаментальных истин?

2. Свет пустыни и духовное отцовство

Человек – парадоксальное существо. Хоть он и располагает собой, но неустанно ищет себя. Человек постоянно «в себе» и «вне себя». Постоянно ищет себя, словно бы он уже обладает неким празнанием о себе самом – «потерянным». Но обрести себя непросто. Ведь обретение себя означает и постоянное искание себя, зачастую без надежды на скорый успех. Обретение себя – это одновременно и некоторая «потеря» себя. Об этом говорят и слова Христа. Парадокс человека выражается также и в том, что – по словам св. Августина – человек «пал по собственной воле», «потерял» себя, но собственными силами не может «поднять себя», а следовательно, «обрести себя». Человеку нужна помощь, чтобы он мог обрести себя, найти евангельскую «Жизнь». Обретение себя, хоть и происходит в одиночестве, происходит благодаря отношениям. Это обретение себя знаток медитации Й.Б. Лотц называет «сохранением благодаря потере».

Человек нуждается в помощи, ведь человек – существо не одномерное, а многомерное. Человек живет в окружении биологическом, общественном, психическом, а также – о чем слишком легко сегодня забывают – в духовном окружении. Самая существенная часть окружения человека, его *Lebenswelt* (как говорят феноменологи), - это духовное измерение. Физический закон сохранения энергии в нем неприменим. Живет тот, кто «теряет», а тот, кто сумеет «потерять все», сможет «все обрести». «Все» – это значит себя. Обретение себя происходит по закону постоянного обмена, духовного метаболизма, ведь, осознаем мы это или нет, в духовной сфере человек подвергается различным

духовным воздействиям: позитивным и негативным, дружественным и недружественным. И хотя духовная память Церкви и отцы-пустынники, например, св. Антоний, благодаря своему опыту оставили нам достаточно подробные карты и путеводители по этому духовному миру, эти угрозы все же из-за этого не исчезают, пустыня остается опасной. У этих опасностей невидимая, тонкая духовная природа и влияние на нашу жизнь. Чтобы победить их, были необходимы, нужны сейчас и в будущем потребуются духовные руководители и проводники, а может быть, еще лучше: *духовные отцы*.

Духовные отцы, прошедшие через пустыню, хорошо знают, что попытка «вернуться к себе» может окончиться еще *большой* катастрофой и потерянностью, ибо тот, кто покинул мир и удалился в пустыню, на самом деле унес мир с собой, и ему придется в пустыне сразиться с миром. Это в пустыне предъявит свои права на него и мир, и «тот, кто в мире». Поэтому духовные отцы запрещали новоначальным слишком рано уходить в пустыню, ибо пустыня явит им всех демонов, живущих в его сердце. Ведь пустыня – это не только «поле Истины» (как сказал бы Платон), просвещения, оазис духовного мира, но и место открытого боя с врагом и постоянных ложных озарений.

Поэтому, исходя из собственной духовной *praxis*, духовные отцы знают, что главная опасность для монаха, покинувшего мир, приходит не из внешнего мира, но от постоянного пребывания наедине с собой. Мир – «внутри нас», а не «снаружи». Величайший враг человека, покинувшего мир, «монаха» (греч. *monachos* – «один», «одинокий»), – его мысли, чувства, воображение. Враг, который уже не может воспользоваться внешними вещами, обращает все внимание на внутреннюю жизнь монаха. Поэтому на пустыни все время продолжается «невидимая брань» (*aoratos polemos*), а поскольку враг в ней духовен, то и оружие против него тоже должно быть духовным. Опасность реальна. Дж. Малоуни отмечает: «Когда кто-то испытывает многочисленные психические переживания, приходят опасности. Дела, вытесненные в подсознание, могут ожить и угрожать разрушением мира в человеке, ищущем более тесного единения с Богом. Могут появиться огни и вспышки, телепатические явления и общение с умершим. В нашем сердце могут появиться мерзкие бесовские рожи. Что тут реальность, а что иллюзия? Совершенно необходим провожатый, который уже бился с врагами из невидимого мира». В этой ситуации делом особой важности становится поддержание «внутренней бдительности» (*prosoche*), «хранение сердца». Самое лучшее оружие – «неустанная молитва» («непрестанно молитесь»). Ум, не занятый молитвой, естественным образом обращается к внешним вещам, являющимся объектом постоянных искушений. Поэтому Евагрий Понтийский, давший список «восьми главных грехов», одновременно дает совет – «молитва – естественный труд ума». И хотя в начале она может восприниматься, как неприятное дело, со временем она принесет плод сладости и духовного мира (*hesychia*).

В ситуации постоянной духовной опасности и ложных духовных озарений, на пути духовного роста, оказывается наиболее существенным для духовного отца «дар распознавания духов». Старец (греч. *geron*) – это как раз тот, кто имеет дар *diakrisis*, «распознавания духов». Это – одна из харизм, даров Святого Духа, благодаря нему главная задача старца – слушать, а не учить и указывать. Слушать Того, кто знает тайны человеческого сердца и наставляет на «всякую истину», Духа Истины. Это дар позволяет двигаться среди истинных и ложных озарения внутреннего мира. Ибо правду о «внутреннем человеке» открывает искушение. Опережая открытия глубинной психологии, старцы говорили, что «многие страсти, живущие в души, не видны нам, но освобождаются под действием искушения. Кто открывает мысли свои, тот быстро исцеляется, кто скрывает их, тот болеет. Различай мысли свои и проси совета у отца, способного к их различению». Сегодня мы бы сказали: не позволяй себе подавлять свои чувства и страсти, они явственно показывают твои глубины, а вместе с тем они – средство воздействия духовных сил. По сути это лишь вопрос терминологии: то, что мы сегодня называем «комплексом», - говорит Дж. Малоуни, - монахи называли «демоном». Различение духов – подлинное освобождение человека, расширение его сознания, освобождение от всего, что имеет какую-либо власть над нашей свободой.

Более глубокому самопознанию способствовала практика ежедневной исповеди перед отходом ко сну, это было «откровение помыслов», а не сакраментальная исповедь. Ведь человек своими только силами не может узреть своего сердца – нужно духовное «зеркало». *Назарий Валаамский* оставил нам следующее Старческое наставление о духовном отце. Он отмечает: «После трапезы вечерней ступай к своему духовному отцу. Почитай его как Самого Христа, упади на колени, открой ему состояние души своей в течение прошедшего дня. Исследуй все, что ты соделал и о чем подумал плохо, или то, что ты сказал, или то, что ты себе попустил вопреки гласу совести твоей, чем ты хвалился и гордился, что раздражало тебя, на кого ты гневался или на кого роптал, твои суждения против блага ближнего твоего». Назарий советует открывать «мельчайшие мысли», даже «записать их на бумажку». Как и Евагрий Понтийский и древние Отцы, Назарий сознает, что у *logismoi* и *phantasma* есть не только психологическая почва, но через них проявляются и действуют силы и власти высшего духовного порядка; «духи» добрые и злые. Согласно отцам: «бесы не нападают на грешников – ведь те уже находятся в рабстве. Как говорит Ориген, нападениям бесов подвергаются те, кто стремится к совершенству. Бесы не могут приказывать человеку грешить. Но Евагрий признает, что они могут вселить в человеческий ум мечтания и фантазии. И именно в человеческом уме происходит величайшая битва». Наиболее укрытые духовные движения – как мы сказали – являются бесценными ориентирами, указывающими духовное содержание и глубины «внутреннего человека»

(homo absconditus). В *logismoi* опосредованно открывается действие духов. Поэтому для Отцов цель – даже не столько борьба со злом, сколько «хранение себя от Лукавого». Зло – это то, что вовсе не следует «познавать», – скажет Павел Евдокимов. Спекуляции о зле не являются целью Отцов, и в этом также выражается их послушание – в молитвенном принципе: «но избави нас от лукавого». Отцы не раздумывают о зле, но учат его побеждать: как не позволить вовлечь себя в само искушение, в диалог с Лукавым. Их познание человека и различение духов – не спекулятивное знание, но познание силой Духа Святого, «сердечное познание» (*cardiognosis*). Кардиогноза не имеет ничего общего ни с каким духовным сентиментализмом, она – как мы видим – это духовный реализм. Об этом лучше всего свидетельствуют плоды деятельности Отцов: рождение духовных «сыновей» и «дочерей», постоянно продолжающееся даже и до наших дней.

3. Духовное отцовство: харизма и служение

Духовное отцовство – это харизма. Оно – дар Святого Духа, Который «дышит, где хочет». Его может получить как мирянин, так и клирик. Бог «нелицеприятен». Недаром один из отцов сказал, что «в монастырях молодые будут как старцы, а старики как юноши».

Тот факт, что духовное отцовство – это, прежде всего, харизма, привел также и к тому, что оно никогда не приобретало формализованного, организованного характера, связанного с какой-то определенной духовной структурой, как например, служебное, иерархическое священство. И все-таки духовное отцовство – вид пастырского служения, в самом дословном смысле оно является служением. И хотя это течение то заметно, то невидимо в истории Церкви, хотя оно исчезает внезапно, словно ручеек в скалах, чтобы появиться вновь как широкая река, спокойно несущая свои воды, оно никогда не теряет своей идентичности. И так, после расцвета монашеского движения в IV веке, после синайских монастырей (VI век), где расцветает «сердечная молитва», после афонских отцов и их духовного опыта (нач. X века) оно исчезает на несколько веков, чтобы с невиданой силой забить ключом лишь в скитах и пустынях Молдавии, где его ветвь расцвела благодаря великому отцу Паисию Величковскому, автору первого перевода *Филокалии* на славянские языки. Именно благодаря его деятельности и распространению перевода *Филокалии* (рус. *Добротолюбие*) движение «старчества» расцветает в России и наступает подлинное «богословское обновление».

Важнейшую роль в движении российского «старчества» сыграла Оптиная Пустынь. Возникновение Оптиной связано с прибытием брата Леонида, ученика Паисия (1829 год), а деятельность Пустыни не прекращалась вплоть до революции 1917 года. Оптиная пустынь была своеобразным феноменом не только в духовной, но и в культурной жизни России. В.

Лосский отмечал: «Все духовные пути России конца XIX столетия проходят через Оптину».

Оптина Пустынь являет совершенно новую черту по сравнению с духовностью Отцов пустыни и византийской духовностью. Оптина живет не благодаря богословским диспутам, спорам о природе благодати, различии между «Сущностью» Бога и Его «энергиями» (основные направления и проблематика учения *св. Григория Паламы*), но благодаря постоянной горячей молитве. Иисусова молитва, эта жемчужина православной духовности, приобретает тут необычайный, теплый оттенок. *Исихазм* цветет в пустынях «Северной Фиваиды», а «свет имени Иисусова озаряет весь мир». *Элизабет Бер-Сижель* справедливо отмечает, что в секуляризованной России XIX века «старцы изобрели специфический стиль присутствия духовного начала в мире, соответствующий потребностям современного человека». Оптина Пустынь продолжает дело *Паисия Величковского* – это достаточно точно изобразил *Федор Достоевский* в романе «*Братья Карамазовы*». Можно смело сказать, что Оптина Пустынь стала «духовной больницей» для всей России. В нее тянулись люди разных профессий, различного общественного положения, с разными проблемами. Она стала выражением наиболее характерного для православной духовности человеческого подхода к реальности человеческого греха, заблуждений и страданий.

Быть может, стоит вспомнить конкретные факты из истории Оптиной Пустыни. На фоне, например, служения основателя Киево-Печерской лавры *св. Феодосия Печерского*, который порой не брезговал дубинкой, наставляя учеников и любопытных гостей, показателен эпизод из жизни уже упомянутого выше отца Леонида. Когда козельский благочинный, обеспокоенный тем, какие толпы людей посещали Оптину, прибыл с визитом. «Увидев Леонида в окружении толпы крестьян, (...) благочинный спросил: «И озота Вам, батюшка, так трудиться и весь день заниматься людьми?». Отец Леонид отвечал: «Сказать по правде, это, конечно же, ваше, священническое, дело. Но у вас ведь времени слишком мало, так что, хочешь, не хочешь, приходится нам, монахам, людьми заниматься». Воистину, ответ отца Леонида сохраняет свою актуальность и по сей день. Духовенство, постоянно занятое административными обязанностями, в силу этого теряет из виду глубочайшее измерение своего служения, т.е. водительство, духовное руководство. На самом ли деле «пастырство» должно состоять в управлении приходскими делами? *Т. Шпидлик* спрашивает: «Духовное руководство – это дело только священников или нет?».

Дело отца Леонида продолжил отец *Макарий Иванов* (1788-1860). Благодаря нему установились контакты Оптиной Пустыни с миром культуры, литературы и философии. Философ *Иван Киреевский*, имя которого находилось неподалеку, вместе со своей женой обратился к Макарию за духовным руководством. В это время, по инициативе

Киреевского, публикуется Правило преп. *Нила Сорского*, творения св. *Исаака Сирина*, Проповеди преп. *Симеона Нового Богослова* и другие произведения отцов Церкви. Вслед за Киреевским в Оптину приезжают *Н.В. Гоголь*, *В.С. Соловьев*, *К.Н. Леонтьев*, *Ф.М. Достоевский*, *Л. Н. Толстой*. После смерти *Макария* эти традиции продолжал отец *Амвросий Гренков* (1812-1891), ставший прототипом старца *Зосимы* из романа *Ф.М. Достоевского* «*Братья Карамазовы*».

Один из самых потрясающих феноменов «старчества» (рус. «старец») состоит в том, что несмотря на привычные ассоциации, связанные с понятием «духовность», оно включает в себя не только духовное измерение человека, но и все глубины его существования. Более того, служение духовного отцовства у российских старцев, включая в общественное и биологическое измерение человеческого существования духовную перспективу, включает в нее и всю видимую и невидимую Вселенную, *Uniuersum*. По сути дела, если бы служение духовного отцовства сосредоточилось лишь на духовном измерении, оно, без сомнения, было бы некоей разновидностью так или иначе понимаемой гнозы. Но это не так, духовная *praxis* старцев и ее плоды показывают, насколько живы догматы в духовности отцов, и прежде всего догмат о Воплощении. Воплощение Бога охватывает всю реальность: духовную и материальную, *sacrum* и *profanum*. Сердце «старцев» - оно, как и сердце Бога, не имеет и не может иметь границ, охватывает весь мир, и подобно рукам Бога обнимает всю населенную Землю, всю *oikoumene*. Необычайный дар «сердцеведения» (*cardiognosis*), приводит к тому, что, как пишет *В. Лосский*, - «Они имеют дар проникновения в сокровеннейшие глубины человеческой совести, обнаруживая в них грехи и трудности, о которых чаще всего мы сами не знаем, они поддерживают поникшие души, наставляя их не только на пути духовном, во также и руководя ими на всех путях житейских».

«Старцы» - словно отражение Самого Христа, Который исключал всяческий этнический, религиозный, богословский эксклюзивизм, говоря: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Жизнь Вселенской Церкви, уже не Восточной, а Католической, находит тут наилучшее подтверждение, а формула св. Павла «для всех я сделался всем» - свое самое однозначное выражение.

4. Логика старцев

Хотя старцы и живут вне мира, они живут для тех, кто в миру. Однако их поступки – «не от мира сего». Старцы «подражают» Христу подчас шокирующим и экстравагантным для нас образом: самый яркий пример этого – юродство, люди, ставшие «Христа ради юродивыми», «безумными Христа ради», ведь их мышление и поведение «не подражает миру сему», их логика – не логика мира, но логика пустыни, то есть и логика парадокса.

Старцы уходят в пустыню (*Е. Новосельски*) и порывают со всем, что связывает их с миром, что может иметь какую-либо власть над ними: принципы мышления, бивалентной логики, духом общества и социальной среды, обычаями. То, что кажется экстравагантным и странным, элемент необычности, которая – естественно – привлекает любопытных, все же таит реальность глубоких внутренних изменений, *metanoia*. Старцы отличаются от мира, потому что они – люди духовно преображенные.

Духовная практика старцев показывает, что человек – существо более сложное, чем это могут установить четкие определения и законы логики. Опережая открытия экзистенциальной философии, они воспринимали человека, как существо, полное противоречий. Вслед за *Э. Жильсоном* мы могли бы сказать, что старцы занимались философией «существования», а не «сущности». Старцы также знали, что духовную глубину и правду человека нельзя выразить понятиями языка, поэтому они часто прибегали к жесту, а прежде всего – к молчанию. Они были просто уверены, что именно молчание (а не слова) выражает сущность отношений с Богом и истину глубочайших духовных переживаний человека и его опыта веры. Когда же они произносили «слово», это было слово, действующее с силой, слово «жизни». Один из отцов пустыни ответил на вопрос о своем молчании так: «Лучше жизнь без слова, чем слова без жизни». Античный философ *Пифагор* сказал похожие слова: «Молчи или говори что-нибудь получше молчания». Для старцев человек – не парадоксальное существо, а парадокс, противоречие – это, собственно, *locus anthropologicus*, а вместе с тем и *locus theologicus*. «Сокрытое сознание православия» (*Е. Новосельский*) – это сознание внутреннего, «сокровенного человека» (*homo cordis absconditus* – пишет св. Петр), а вместе с тем Бога, который «сокрыт». Парадокс – естественная среда жизни в вере, об этом знали и *М. Лютер*, и *С. Кьеркегор*, знали за много веков до них отцы духовные. Это экзистенциальное течение их служения, пожалуй, точнее всего отобразил *Ф.М. Достоевский*, заметивший мистификацию, таившуюся за популяризацией учения древних отцов и старцев: славянофилы, занимавшиеся этим, пробовали перевести это учение на философский язык, понятный современникам, т.е. использовать понятийный аппарат философии *Ф.Й. Шеллинга* и *Ф.К. Баадера*. Однако же тем самым славянофилы теряли в романтическом гнозисе, в стремлении к синтезу и целостности самые существенные черты учения отцов: чувствительность к противоречивости и парадоксальности человеческого существа, его способность к высшему благу. Человеческое и божественное «безумие», божественный и человеческий *manikos eros* (*Н. Кавасила*) однако же ближе к истине о Боге и человеке, чем бесплодные поиски закрытой и ограниченной истины. Тут также содержится неопровержимая ценность самого учения и служения старцев, как и популяризаторской деятельности Достоевского.

5. «Духовное» отцовство и материнство

Феномен возникновения и устойчивости традиции духовного отцовства на Востоке в значительной степени – следствие иного, чем на Западе, понимания не только самого «отцовства», но также и «материнства». До сих пор в западном богословском подходе к человеку у женщины не было какого-то специфического, отдельного, определенного призвания и миссии. Западное общество, с его концепцией «превосходства» священства над мирянами, не могло должным образом ответить на вопрос о призвании женщины в мире, о смысле брака и семьи; задачи женщины как правило определялись негативно, а не позитивно (не говоря уже о столь ярких примерах, как отношение к женщине как к «орудию сатаны»). В то же время, у женщины, по мнению православных философов и богословов – *В.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева*, а из более современных *П. Н. Евдокимова* – есть позитивные, «творческие задания». Брак – это средство их реализации, но он не исчерпывает и их сущности; они – в общественном измерении, но также и в измерении сверх-общественном, метафизическом, трансцендентном. Главное задание – возвращение утраченного в грехопадении интегрального Образа человека.

Тривиализация сексуального акта, казуистический подход к сфере половой жизни привело к тому, что на Западе (по словам *Н.А.Бердяева*) – брак был сведен к роли «нормированного разврата». Эта ситуация – что понятно – стала естественной исходной точкой для всевозможных феминистских движений, стоящих «на защите» женщины. Но понимают ли сегодня «защитники» женщины, в чем состоит сущность материнства и отцовства? Несмотря на груз прошлого, мы сегодня, благодаря трудам папы Иоанна Павла II, располагаем радикально отличающимся от вышеуказанного видением человеческого тела, секса, эротики, прямо говорим о «богословии тела», тело для нас – «богословское место».

Сегодня лидеры феминистских движений, кажется, забывают об этом в своем служении женщине. Они также, кажется, забывают, что принцип любого рождения – трансцендентальный, а не биологический или материальный. Образ всякого отцовства и материнства – «рождение от Отца», по словам апостола, это от Него «именуется всякое отечество на небесах и на земле». Эта обедняющая модель понимания родительства–отцовства приводит также и к обеднению взгляда на родительство-материнство. Напомним: единственный принцип, *arche* «рождения», Тот, Кто «рождает» - это все-таки Бог-Отец. Также нельзя не заметить, что всякое современное включение модели «рождения – отцовства» в заговоренный круг антропоморфизма или социологизма бьет по понятию материнства, в том числе и по «духовному материнству». Короче говоря, речь идет о том, чтобы мы не искали на земле исполнения идеалов, но чтобы для нас единственным Образом

и физического, и духовного отцовства и материнства было Отцовство (и одновременно Материнство) Отца Небесного. Видение нашего материнства и отцовства мы постоянно должны расширять, а не сужать, в соответствии с единственным истинным Архетипом и Образцом. Св. Павел в речи на Ареопаге говорит: «Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого». Теперь заменим в высказывании св. Павла слово «Божество» на «Божественное Отцовство», и смысл проповеди апостола станет ясным и актуальным и для нас, и для сегодняшних лидеров различных направлений феминизма, как был он актуален для афинских эпикурейцев и стоиков: Бог, будучи Отцом, одновременно является и Матерью.

«Духовное отцовство», образец которого – Божественное Отцовство, уже по определению одновременно является и «духовным материнством». Духовный отец в этой модели – и «отец», и «мать». Сегодняшние постулаты феминистической теологии в этом контексте оказываются в высокой степени ложными и мистифицированными. Нам нельзя переносить наши земные понятия на божественную реальность. Бог-Отец – полнота Бытия, Плерома, – а вместе с тем и единство «противоположностей»; того, что у нас связано с понятиями «мужского» и «женского», «отца» и «матери». Этим постулатам в совершенстве отвечает интуиция Восточной Церкви: Бог, «Единый», желает, чтобы мужчина и женщина стали «одним». Именно эту интуицию православия, основываясь на богатом эмпирическом материале и принимая во внимание широкий контекст, четко, догматически представляет П. Евдокимов в книге, озаглавленной «Женщина и спасение мира» (фр. оригинал *La Femme et le salut du monde* – прим. перев.).

Многочисленные и известные ветхозаветные образы показывают материнство Бога-Отца с не меньшей силой и выразительностью, чем Его «отцовство». Поэтому неудивительно, что известного конвертита, Дж. Г. Ньюман, привели в римско-католическую церковь в равной мере как непрерывность традиции передачи веры – *depositum fidei*, живое Предание, так и фактор, которого Ньюман не мог найти в англиканстве – материнский аспект в жизни Церкви, выраженный в материнстве Марии, Матери Богочеловека; всепроникающие черты женской и материнской нежности. По существу, «открытие» отца, – могли бы мы сказать вслед за Дж.Г. Ньюманом, – это всегда и «открытие» матери (и наоборот). Св. Павел говорит: «Впрочем, ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе». Итак, перифразируя: «Ни отца без матери, ни матери без отца», а как говорит известный богослов и специалист по духовности Андре Луф: лишь Бог, лишь Он один в полноте является одновременно и Отцом, и Матерью».

Поэтому неудивительно, что «материнство» в служении Восточной Церкви, пусть зачастую и парадоксальное, полнее всего отражается в служении «отца». Это служение и у

женщин, ни у мужчин не имеет покаянного или морализирующего характера для одной из сторон, но все оно исполнено любви к человеку, по слову апостола: «Бог есть любовь». Недаром Восточная Церковь дала титул «Богослов» тем, кто «более всех возлюбил»: св. Иоанну Богослову (евангелисту в Западной Церкви), св. Григорию Нисскому, автору духовных гимнов, св. Симеону Новому Богослову. Сегодня, в самом католическом, а вместе с тем и православном духе, иезуит Юзеф Августин говорит, что «наставник в духовном отношении – одновременно и отец, и мать». Это логично: «у каждого человеческого существа два полюса» (Андре Луф). И хотя человек – существо ограниченное, он вместе с тем и «микрокосмос», «необъятная земля» (Чеслав Милош). Эта «земля» является единым целым из-за того, что ее удерживают два полюса: женский и мужской; материнство и отцовство. Да «родит» она как можно больше духовных «сыновей» и «дочерей», и на Востоке, и на Западе.

Заключение

В результате настоящей работы мы убедились, что понятие отцовства глубоко укоренено в христианской мысли. Об отцовстве учит Иисус Христос, оно – существенная часть Благой Вести, неотъемлемое определение Божьей любви. Поэтому основным выводом работы мы можем назвать важность вести о том, что Бог – это любящий Отец, от Него происходит всякое земное отцовство, в том числе и духовное отцовство в Церкви – призвание каждого епископа и священника. В наши дни необходимо вновь открыть величие этой вести, возвещая ее миру в контексте полноты Откровения о человеке и его призвании.

Актуальность настоящей работы представляется нам достаточной, особенно в отношении современного положения в Восточной Европе и на так называемом постсоветском пространстве, где мы можем наблюдать распад семьи и кризис самоопределения личности. Хотелось бы продолжить рассмотрение этих вопросов в связи с богословием брака и семьи, а также мужественности и женственности, что, однако, превосходит границы настоящей работы. Желательно, чтобы это усилие предприняли последующие наши исследователи.

Весь 48 номер русского христианского журнала «Символ» («Simvol»), издаваемого в Париже, был посвящен отцовству. В Польше вышла книга кард. П.Й. Кордеса об утраченном отцовстве («Zagubione ojcostwo», на языке оригинала Die verlorenen Väter). Это показывает, что проблематика отцовства находится глубоко в сознании современного человека. Рядом с такими авторитетами мы не можем претендовать на то, что настоящая работа полностью исчерпала указанную тему. Мы считали нашей задачей лишь скромную попытку общего наброска богословия отцовства. Мы не смогли избежать ограничений и упущений, за которые приносим свои извинения. Также выражаем нашу глубокую признательность всем тем, при чьей помощи создавалась эта работа.